

ИСТОРИОГРАФИЯ

Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы»

А.В. Майоров

«Летописец Сенатской Архивы» ныне представлен списком, хранящимся в Отделе рукописей Государственной библиотеки в Берлине (MS. Phill. 1987). Это один из малоизвестных в нашей стране списков Новгородской Первой летописи младшего извода, именуемый «Берлинским списком» или «списком Филиппса» (по имени одного из бывших владельцев). В конце рукописи сделана приписка, сообщающая о том, что текст летописи списан с «древняго летописца Сенатской Архивы» в 1738 году (л. 169). Когда-то «Берлинский список» принадлежал В.Н. Татищеву. Об этом свидетельствует письмо-автограф историка к неназванному по имени лицу от 12 октября 1749 г., сохранившееся вместе со списком летописи в одном общем переплете. В письме Татищев сообщает об отправке своему корреспонденту нескольких рукописей для последующего «отдания пречитенному королевскому собранию», то есть Лондонскому королевскому обществу, членом которого русский историк желал стать¹. Сравнение «Берлинского списка» с «Академическим» и другими списками Новгородской Первой летописи («Толстовский», «Румянцевский», «Воронцовский»), восходящими к нему, показывает, что берлинская рукопись является копией с «Академического списка», сохранившей листы, впоследствии в «Академическом списке» утраченных, в том числе начало и конец летописи.

Вместе с тем, сопоставление «Академического списка» с «Берлинским» обнаружило в последнем многочисленные следы редакторской правки исходного текста, сводящиеся главным образом к целенаправленному сокращению некоторой части известий. Например, сокращению подвергаются: отступления религиозно-нравственного содержания; специфические новгородские известия, в частности, касающиеся новгородских посадников; уточнения датировок по календарю святых и датировки второстепенных событий; сообщения, вступающие в противоречия с другими известиями. Следы редакторской правки обнаруживаются также и в той части «Берлинского списка», которая содержит текст «Русской Правды»².

Наиболее характерной чертой «Берлинского списка», отличающей его от «Академического», следует считать произведенную в нем редакторскую правку на протяжении всего летописного текста, сводящуюся, прежде всего, к изъятию или сокращению рассказов и рассуждений древнего летописца религиозно-нравственного содержания, уводящих его в сторону от изложения исторических событий. Так, подобные сокращения, одно из которых составляет в объеме полную страницу текста «Академического списка», отмечаются в рассказе об убийстве Бориса и Глеба (л. 34—36об.). Значительному сокращению подвергнут рассказ о праздновании в Новгороде архиепископом Евфи-

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Санкт-Петербургского государственного университета.

мием Воздвижения Честного Креста, помещенный под 6951 годом (л. 168)³. Были ли эти сокращения результатом правки летописного текста, произведенной Татищевым?

Татищев действительно высказывал мысль о необходимости изъятия из летописей тех фрагментов, которые не имеют отношения к гражданской истории. Однако подобное изъятие он допускал только при издании светского научного сочинения, посвященного гражданской истории. Ученый писал, что свою историю он составлял «ни переменяя, ни убавляя из них (из летописей. — А.М.) ничего, кроме не надлежасчаго к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и прочее, которые в книгах церковных обильнее находятся»⁴. Кроме того, Татищев, как известно, был первым владельцем «Академического списка», названного им «Летописью попа Иоанна» (по имени одного из составителей летописи, упоминающегося в тексте памятника). Приобретенный Татищевым у некоего раскольника, этот древний манускрипт затем был передан в Академию наук⁵. Следовательно, историк имел возможность изготовить для личного пользования сокращенную копию с «Академического списка», отредактированную в духе его собственных представлений о значении летописей как исторического источника.

Существует, однако, и другая, более убедительная, на наш взгляд, причина появления в тексте «Берлинского списка» отмеченных редакторских изменений. 23 апреля 1734 г. Академия наук обратилась в Правительствующий Сенат с просьбой о разрешении издать русские летописи. В письме, подписанном советниками Академии Хр. Гольдбахом и И.Д. Шумахером, отмечалось: «ныне Академия наук имеет намерение, чтоб по прикладу других народов, которые об исправлении истории отечеств своих тщание имеют, обретающихся Российских древних летописцов по приложенной при сем форме в печать выдать, не переменяя в оных ни наречия, ни материи, кроме некоторых мест, которыя со историою светскою никакого союза не имеют, но токмо до духовности касаются (курсив мой. — А.М.), и о которых Святейший Правительствующий Синод впредь рассмотреть может»⁶. К этому посланию для образца прилагался отпечатанный первый лист «Несторова Временника», оригиналом которому, вероятнее всего, послужил первый лист Радзивиловской летописи, набранный по списку, составленному в 1716 г. по приказу Петра I⁷.

Не вызывает сомнения, что «Летопись попа Иоанна» также предназначалась для данного издательского проекта. Из письма Татищева Шумахеру от 21 декабря 1735 г. следует, что уже в начале 1734 г., перед отъездом Татищева из Петербурга, Академия наук приступила к печатанию полученной от него рукописи. Обращаясь к Шумахеру, историк пишет: «При моем отъезде вы обещали напечатать полученную от меня Новгородскую летопись и показали мне один лист»⁸. Этой «Новгородской летописью», очевидно, и была «Летопись попа Иоанна», то есть Академический список Новгородской Первой летописи младшего извода, с которого в начале 1734 г. уже был напечатан пробный лист⁹. Следовательно, передать летопись в Академию Татищев должен был до 1734 года.

Идея печатного издания летописей появилась уже в начале XVIII века. В 1703 г. о такой необходимости высказался Петр I¹⁰. Для реализации своего намерения в 1720 и 1722 гг. он издал два указа о сборе древних рукописей в епархиях и монастырях¹¹. Продолжением петровских начинаний, в чем одну из главных своих задач видела Петербургская Академия наук, стало появление проекта первого издания русских летописей. Его инициатором некоторые считают Г.З. Байера (1694—1738)¹².

Не меньше оснований считать инициатором проекта Г.Ф. Миллера (1705—1783), прибывшего в Россию в 1725 г., а в 1731 г. ставшего академическим профессором. В 1732 г. он уже редактор издававшегося Академией по его же инициативе первого российского исторического журнала — «Сборника русской истории» (выходившего на немецком языке), в котором он печатал в том числе переводы древних русских летописей и других источников. Публиковались в нем и отрывки из летописей за 860—1175 гг. (по находившемуся в Академии наук списку Радзивиловской летописи)¹³.

Высказывается также предположение, что инициатива первого печатного издания русских летописей могла исходить от Татищева¹⁴. В своем «Предызвещении к истории» он прямо писал: «мню, святейшему Синоду весьма нетрудно, если повелит во всех монастырях всякие древние письменные книги, тетради, грамоты и прочее обстоятельно описать и под именем русской библиотеки напечатать, что желаючись в истории церковной и гражданской трудиться могли знать, где что сыскать могут»¹⁵. Однако Татищев не был членом Академии наук, и высказываемые им идеи и пожелания могли рассматриваться лишь в частном порядке. В данном же случае речь идет об официальном обращении Академии в Сенат с проектом, представляемым от ее имени.

По некоторым данным, вопрос об издании летописей впервые был поставлен Академией еще в 1732 году¹⁶. Тогда же началась работа по отбору рукописей и их подготовке к печати. Из более пространной публикации материалов переписки Академии наук, Сената и Синода 1734 г., помещенной в Журнале Министерства народного просвещения, следует, что Синод, получивший для апробации предложение Академии, затребовал от нее не только исчерпывающий перечень предназначенных для публикации летописей с указанием общего количества томов издания, но также и сами отобранные для публикации лётописи в полном объеме («дабы те летописцы поданы были для апробации и подлинного разсмотрения»)¹⁷. Из заключения Синода явствует, что в этом ведомстве согласились с принципами издания летописи, предложенными Академией. Однако и в той части летописных известий, которые относились исключительно к светской истории, по мнению Синода, содержались «лживые» и «опасные» для народа сведения, также подлежащие изъятию. Например, членов Синода не устраивало то, как излагается в летописях история посольства царя Ивана Васильевича к цесарю Максимиану:

«...будто де Царь Иван Васильевич посыпал к Цесарю Максимиану за тем tolко, как писать к нему.

И как то Цесарь славно живет, стоит град Виден над превеликим морем, а то де град стоит не над морем — над рекою Дунаем.

И будто бы все у него золотое.

Тот же Цесарь посади будто бы того посла в корету с собою, говорил о нашем государстве пророческие слова и проч.

И другие многие неимеющие истины отчего в народе может произойти не без соблазна»¹⁸.

Речь здесь идет, несомненно, о содержащемся в некоторых поздних летописях середины — второй половины XVII в. описании одного из посольств Ивана Грозного к императору Максимилиану II, отправленного из Москвы в Вену в 1570-х годах. Первым, в 1573—1574 гг., состоялось посольство Константина Скobelцына с предложением императору вместе с русским царем разделить территорию Речи Посполитой, пользуясь политическим кризисом, возникшим там при выборах нового короля¹⁹. Затем, в 1576 г., последовали посольства князя Захария Ивановича Сугорского и Ждана Квашнина²⁰.

По всей видимости, в резолюции Синода имелись в виду сведения о посольстве князя Сугорского (Угорского), содержащиеся в одной из редакций Патриаршего летописного свода 1652 г., приписываемой келарию московского Чудова монастыря Варлааму Палицыну²¹. Здесь приводится подробный рассказ о приеме русского посла императором и переговорах между ними, во время которых Максимилиан сделал несколько пророческих предсказаний будущей судьбы России, в частности, предсказал пресечение династии Рюриковичей и наступление Смутного времени²².

Ссылкой на эту «лживую» историю, взятую из официального патриаршего летописания XVII в., Синод мотивировал свое требование о предоставлении ему на апробацию полных списков всех тех летописей, которые Академия наук предлагала к изданию.

Насколько можно судить, к 1734 г. в распоряжении Академии имелись лишь два списка «обретающихся Российских древних летописцов», повествующих о наиболее ранних периодах русской истории, могущих представлять наибольший интерес с точки зрения их издания. Это список 1716 г. с Радзивиловской летописи, переданный после смерти Петра I в Академию наук, и полученный от Татищева список середины XV в. Новгородской Первой летописи («Летописи попа Иоанна»), известный ныне как «Академический список». Если «петровский список» Радзивиловской летописи был достаточно известен знатокам русской истории и едва ли требовал какой-то особой апробации и дополнительной санкции на издание²³, то известная лишь узкому кругу татищевская «Летопись попа Иоанна» нуждалась в апробации и санкции²⁴. Поэтому с высокой степенью вероятности можно предполагать, что в связи с запросом Синода Академией наук был представлен на апробацию именно список Новгородской Первой летописи.

В соответствии с общими принципами издания, изложенными в представлении Академии в Сенат от 23 апреля 1734 г., текст летописи был подвергнут значительной редактуре. Однако из него были удалены не только сюжеты и рассуждения, имеющие отношение к церковным темам, но во избежание возможного недовольства со стороны Синода, в духе высказанных им пожеланий подвергнуты исправлению сообщения, относящиеся к светской истории. Именно таким образом, на

наш взгляд, в направленном для апробации Синода «татищевском списке» возникли дополнительные сокращения и исправления летописного текста. Они затронули сообщения, вступающие в противоречия с другими известиями, были уточнены многие датировки.

Кроме того, совершенно в духе примечания, данного Синодом к летописному рассказу о русском посольстве в Вену, где утверждалось, будто «стоит град Виден над превеликим морем», а на самом деле, — разъясняли в Синоде, — «то де град стоит не над морем — над рекою Дунаем», в новом отредактированном Академией списке «Летописи попа Иоанна» появилось несколько редакторских примечаний, читающихся ныне в «Берлинском списке» (и в обеих его позднейших копиях — «Воронцовском» и «Румянцевском» списках). Например, под 6473 (965) г., в сообщении о походе киевского князя Святослава против хазар, после слов «градъ ихъ Белувежу взя и Ясы победи» было сделано примечание редактора, текст которого помещен внизу страницы под текстом летописи: «Белувежа стоить на Днестре, а Ясы за Прутъмъ» (л. 8об.). Нет никаких оснований считать, что подобное примечание мог сделать Татищев, поскольку в данном вопросе он придерживался другого мнения, отразившегося в обеих редакциях «Истории Российской» (1746 и 1750 гг.). Историк считал, что ясы — это не город, а «народ сарматский», и что «град козаров» Беловежа (Бела Вежа) располагался в бассейне Днепра и в греческих источниках был известен как Ольвия (Олбиа, Олбиополис): «По описанию Большаго чертежа мнится о нем при устии речки Тягинки на западной стороне Днепра»²⁵. Более того, тех же взглядов в вопросе о ясах и Белой Веже Татищев придерживался уже во время работы над предварительной редакцией «Истории Российской» 1739 г., о чем свидетельствуют сохранившиеся к ней примечания²⁶.

Таким образом, около 1734 г. в Академии наук должен был появиться новый список с татищевской «Летописи попа Иоанна», сокращенный и отредактированный в соответствии с требованиями обсуждавшегося тогда проекта первого печатного издания летописей. Этот список в том же году был, вероятно, отослан в Сенат для передачи на апробацию в Синод и получения разрешения на издание. Дальнейшее прохождение списка по инстанциям проследить не удается. Нет сведений и о том, какое именно окончательное решение было принято в отношении представленного Академией издательского проекта. Ясно только, что он остался неосуществленным.

Так или иначе, в 1734 или 1735 гг. в архивах Сената отложился список с «Летописца попа Иоанна», названный впоследствии «Летописцем Сенатской Архивы». О существовании в сенатском архиве подобного списка, пребывавшего там до конца XVIII в. и затем утраченного, в 1825 г. вспоминал митрополит Евгений (Болховитинов)²⁷. Не сумевший вернуть из Академии наук свой список «Летописца попа Иоанна» и вынужденный по этой причине на некоторое время приостановить занятия историей, Татищев около 1738 г. узнал о существовании «Летописца Сенатской Архивы» и заказал с него копию. Получение копии в 1738 г. привело к активизации работы историка, сумевшего в течение нескольких месяцев завершить составление первоначальной редакции «Истории Российской», а также приступить к работе над обнаруженным им тогда же новым важнейшим историческим источником — «Русской Правдой».

Примечания

1. О попытке Татищева добиться членства в Лондонском королевском обществе см.: ПЕКАРСКИЙ П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб. 1864, с. 5—6.
2. ГЕЙЕРМАНС Г.Л. Татищевские списки Русской Правды. — Проблемы источниковедения. М.-Л. 1940. Сб. 3, с. 170—171.
3. Ср.: ПСРЛ. М. 2000. Т. III, с. 169—174, 422.
4. ТАТИЩЕВ В.Н. Собр. соч. В 8-ми т. Т. I. М. 1994, с. 91.
5. Там же, с. 124.
6. Проект издания российских летописей в 1734 году, в каком виде оно предполагалось и отчего не исполнилось. — Временник Общества истории и древностей российских. М. 1856. Кн. XXIV. Смесь, с. 49.
7. Там же, с. 50.
8. ТАТИЩЕВ В.Н. Записки. Письма. 1717—1750 гг. М. 1990. Т. XIV, № 134, с. 214.
9. АНДРЕЕВ А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России. В кн.: ТАТИЩЕВ В.Н. Собр. соч. Т. I, с. 18.
10. Отчет о занятиях Археографической комиссии за 25-летие ее существования. СПб. 1860, с. 60.

11. Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830. Т. VI. № 3693, с. 277.
12. ПОНОМАРЕВА И. У истоков русской исторической науки. — Исторический журнал, 1940, № 4—5, с. 87.
13. БЕЛКОВЕЦ Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск. 1988, с. 65—66; ОСИПОВ В.И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб. 1995, с. 61.
14. МОИСЕЕВА Г.Н. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н.И. Новикова. — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. М.-Л. 1970. Т. XXV, с. 277; КЛОСС Б.М. КОРЕНЦКИЙ В.И. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей. — В кн.: Летописи и хроники. 1980 г. М. 1981, с. 13.
15. ТАТИЩЕВ В.Н. Собр. соч. Т. I, с. 119.
16. Очерки по истории Академии наук. М. 1945. Т. V, с. 9.
17. Проект издания российских летописей в 1734 году. — Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Ч. 93. Отдел VII, с. 37.
18. Там же.
19. ГРЕКОВ И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М. 1963, с. 345—346.
20. ЛУРЬЕ Я.С. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — Исторические записки, 1948, № 27.
21. КЛОСС Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 1980, с. 277—280; ЕГО ЖЕ. Варлаам Палицын. — Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб. 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1, с. 156. О Патриаршем летописном своде 1652 г. см.: НАСОНОВ А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. 1969, с. 483—487; ЛАВРЕНТЬЕВ А.В. Списки и редакции летописного свода 1652 года. В кн.: Источниково-ведческие исследования по истории феодальной России. М. 1981, с. 62—82.
22. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Основное собрание, ф. IV. 236, л. 356об.—360об. Подобный рассказ содержится также в так называемом Хронографе Арсения Суханова (Там же, ф. XVII. 17, л. 456об.).
23. Радзивиловская летопись, напечатанная И.С. Барковым и И.К. Таубертом по доставленному из Кёнигсберга в качестве военного трофея древнему «Радзивиловскому списку», стала первой древнерусской летописью, опубликованной Академией наук. См.: Летопись Несторова с продолжателями по Кёнигсбергскому списку до 1206 года. СПб. 1767 (Библиотека российской исторической. Ч. I).
24. Новгородская Первая летопись по «Академическому списку» («Летопись попа Иоанна») была издана Академией наук лишь в 1786 г. См.: Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года. СПб. 1786 (Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. II).
25. ТАТИЩЕВ В.Н. Собр. соч.: Т. II. М. 1995, с. 220, прим. 113; М. 1995. Т. IV, с. 495, 532.
26. Там же. Т. VII. М. 1996, с. 9, № 73.
27. Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб. 1873 (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. V. Ч. 2, с. 232—233).

Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г.: Антология. Ярославль. Изд-во «Ещё не поздно!». 2009. 240 с., ил.

2010 год — юбилейный для древнего Ярославля, основанного князем Ярославом Мудрым в 1010 году. Это событие вызывает интерес к славному прошлому города и Ярославского края не только у местных, но и у многих российских историков.

Реценziруемая энциклопедия охватывает период от начала заселения территории Ярославского края в период верхнего палеолита до октября 1917 г. и имеет 4 раздела: территория, история, культура, персонажи.

В качестве несомненного достоинства отметим то, что авторы большинства статей привлекли широкий круг исторических источников, в том числе материалы федеральных архивов, Государственного архива Ярославской области и его филиалов в Ростове, Рыбинске и Угличе. Издание удачно дополнено цветными иллюстрациями, представляющими памятники ярославской иконописи, живописи, архитектуры и градостроительства, гербы городов, карты и пр.